

Андреев, Ю. Литература о Великой Отечественной войне [Текст] : [фрагмент статьи о трилогии К. Симонова «Живые и мертвые»] / Ю. Андреев // Андреев, Ю. Советская литература : ее история, теория, современное состояние и мировое значение : книга для учащихся 10 классов средней школы / Ю. Андреев. – Москва : Просвещение, 1988. - С. 214-220.

Трилогия Константина Симонова «Живые и мертвые» («Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето») в большой мере синтезировала в себе те лучшие гражданственные черты, которые присущи в целом литературе о войне. Она правдива, точнее даже будет сказать — бесстрашно правдива, в изображении любой стороны действительности. И в этом своем познавательном качестве представляет для читателя удивительный учебник жизни. Достоверность этого произведения в глазах читателя подтверждается таким качеством, которое характерно как для самой жизни, так и для правдивого рассказа о ней: асимметричностью, отсутствием округлой заданности, наличием таких случайностей, через которые закономерность выявляет себя стократ ярче, чем через, казалось бы, идеальные ситуации.

Враги советской литературы, не жалея ни чернил, ни типографской краски, ни мощных радиопередатчиков, без устали твердили о закрытых, дескать, для нашей литературы драматических сюжетах войны. Сам факт присуждения в 1974 году высшей награды — Ленинской премии — произведению, вся первая часть которого посвящена тяжелому началу войны, одним разом отсекал эту болтовню наших недругов.

Да, историческая правдивость, проявляющая себя и в малом и в большом, присуща трилогии К. Симонова, но поскольку речь идет о художественном произведении, для нас важен вопрос о *художественной* правде книг писателя, то есть о том, ради чего они написаны, какими жизненными, общественными, нравственными и эстетическими принципами организованы.

Художественная правда трилогии, соответствующая правде действительности, заключается в том, что К. Симонов, не выпуская из поля зрения ничего хоть мало-мальски значительного для судеб своих персонажей, сосредоточил авторское внимание на самом главном — на психологических истоках так называемого русского чуда, на разгадке секрета нашей победы.

В самом деле, как получилось, что немецко-фашистские захватчики и их союзники, которые напали на Советский Союз во всемогуществе огромных отоброшенных армий, имея за спиной опыт победоносных кампаний и экономические ресурсы чуть ли не всей Западной Европы, которые получили в начальный период войны огромные стратегические преимущества и дошли до самой Москвы, —

как получилось, что они были в конце концов разгромлены и потерпели окончательное поражение уже на своей собственной территории?

Экономисты всматриваются в цифры производственных мощностей. Военные историки анализируют разного рода операции и подсчитывают количество артиллерийских стволов на километр фронта. Писатели всматриваются в человеческие души и анализируют те их нематериальные ресурсы, которые (как заметил еще Лев Толстой) и определяют эффективность или беспомощность ресурсов материальных.

Тридцать девять танков уничтожил в одном жесточайшем бою полк, с которым Серпилин встретил войну. Кто, когда узнал об этом подвиге мужества и воинского мастерства? Видимо, никто: военный корреспондент Вайнштейн, снявший подбитые танки на фотопленку, через сутки погиб — пропали и его снимки, и текстовка Синцова к ним. Далеко не сразу узнали мы о Бресте, который упорно держался, даже оставшись глубоко в тылу у немцев. Могли и совсем не узнать о подвиге двадцати восьми панфиловцев у маленькой станции Дубосеково неподалёку от Москвы. Но ведь дело не в славе, а в том, что непреодолимый отпор захватчики получали повсеместно.

Узнав из допроса немецкого летчика, что тот всего два дня назад летал бомбить Брест-Литовскую цитадель, Синцов спросил у Серпилина:

«— Вы думаете, это правда — про Брест?»

Серпилин очень спешил, но вопрос Синцова рассердил его и заставил остановиться.

— Я-то думаю, что это сто раз правда! — резко сказал он.— А вот почему ты в этом сомневаешься? Если воображаешь, что одни мы здесь такие — руки поднимать не любим, — глупо думаешь!»

В том-то и дело, что отпор захватчикам становился все более массовым и упорным. Синцов, который должен был уехать к себе в редакцию, просит у Серпилина разрешения остаться вместе с полком — вместе со всеми вести тяжелые бои у Днепра. А разве понятие чести у старшины Шестакова и четверых его артиллеристов, которые четыреста с лишним километров пешей тягой протащили тяжеленную противотанковую пушку от границы до Днепра, не ведет к доблести и подвигу в самом прямом смысле слова? «Серпилин смотрел на артиллеристов, соображая, может ли быть правдой то, что он только что услышал. И чем дольше он на них смотрел, тем яснее становилось ему, что именно эта невероятная история и есть самая настоящая правда, а то, что пишут немцы в своих листовках про свою победу, есть только правдоподобная ложь и больше ничего... Нет, врите, господа фашисты, не будет по-вашему!»

Из капель сливаются струйки, из струек — ручьи, из ручьев возникает могучая река народного сопротивления. Говоря о

сражениях, которые тысячи людей вели в тысячах мест с не запланированным немцами упорством, К. Симонов замечает, что Серпилин и другие сражавшиеся насмерть бойцы «не знали и не могли знать, что генералы еще победоносно наступавшей на Москву, Ленинград и Киев германской армии через пятнадцать лет назовут этот июль сорок первого года месяцем обманутых ожиданий, успехов, не ставших победой. Они не могли предвидеть этих будущих горьких признаний врага, но почти каждый из них тогда, в июле, приложил руку к тому, чтобы все это именно так и случилось».

Действия, мысли, чувства самых разных людей в самых разных обстоятельствах, порожденных войной, — предмет художественного исследования писателя, и в конце концов из них воссоздается картина исторической победы советского народа. Трилогия К. Симонова — широкое полотно, отражающее коллективный подвиг советских людей в тяжкие годы войны.

Откуда же он, этот массовый героизм?

Синцов, заступив в должность комбата на Донском фронте, спрашивает у своего замполита:

«— Мне в полку сказали, что за время боев в батальоне тридцать человек в партию принято.

— Да, приняли много, но и потеряли... — Завалишин не договорил.

— А на сегодня?

— На сегодня, с вами считая, двадцать девять.

— Да, арифметика тяжелая.

Завалишин вздохнул.

— Бои. А когда бои, сами знаете: коммунисты, вперед!—со всеми вытекающими...»

Массовое вступление в партию в дни смертельных боев означало, что люди принимали решение бороться до конца («со всеми вытекающими») за те идеи, за тот общественный строй, за те духовные ценности, которые воплощала в себе Коммунистическая партия.

Дух социального равенства (вспомним, что политрук Синцов и красноармеец Золотарев, проблуждав вместе по тылам, быстро и естественно становятся друг для друга Ваней и Алешей и что для нас, читателей, это закономерно), дух коллективизма и взаимной выручки, дух самостоятельности и народной инициативы — все это такие человеческие ценности, познав которые народ предпочитает лучше биться до последней возможности, чем сдаться, смириться. Глядя на немецкие окопы в Сталинграде, Синцов думает о своем «чувстве общности» со всем, что происходит на войне. «Что у тебя за душой, Синцов? А вот это самое чувство, из-за которого я живу не только в самом себе, но и во всех других наших и делаю вместе с ними все хорошее и все плохое. И люблю себя за хорошее и ненавижу и

упрекаю за все, что делаю не так, — не только я сам, но и все другие люди. Оно у меня и в душе, и за душой, и в голове, когда командую, и в руке, когда бросаю гранату. И кто его знает, может, это и есть чувство родины, может, его и имеем в виду, когда, каждый про себя, думаем, что мы — советские люди?»

Чувство Родины, чувство сопричастности ее судьбе и непрестанно бьющая ключом инициатива людей показаны Симоновым действительно как решающие факторы победы. Разве кто-либо обязывал Синцова после жестокого боя увидеть небольшую высотку, взятие которой позволит выйти во фланг господствующей высоты? «Он вернулся, отягощенный этой мыслью; отвертеться от нее было уже нельзя. Как ни трудна она была, как ни хотелось заменить ее другой, более легкой, — что на сегодня война уже кончилась, — он знал, что эта трудная мысль существует в нем и растет, и когда он додумает ее до конца, то все равно доложит о ней, не позволит себе не доложить». И добился разрешения, и организовал атаку, и взял высоту...

Этот маленький, даже почти незаметный в масштабе трилогии эпизод чрезвычайно типичен — и для произведения, и для советской литературы в целом, и, самое главное, — для той действительности, которую отображают наши писатели. Вспомним еще раз книги, созданные во время войны или вскоре после нее: «Непокорённые» Б. Горбатова, «Взятие Великошумска» Л. Леонова, «Волоколамское шоссе» и «Резерв генерала Панфилова» А. Бека, «Молодую гвардию» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, — разве не схожи они в главном, при всех своих стилистических и жанровых различиях, — в том, что в качестве героев своего времени выступают в них именно те люди, которые по велению разума и совести самоотверженно воюют против захватчиков, вкладывая в борьбу все свое умение, силы, страсть, инициативу, находчивость?

Это была воистину Великая всенародная война, война Отечественная, и советские писатели, изображая ее, сумели художественно ярко, исторически и философски точно раскрыть истоки нашей победы: приверженность людей советскому строю, справедливым общественным отношениям как высшей человеческой ценности. Обратим внимание: *не любят* писатели тех, кто живет по иным нравственным законам, кто надменно ставит себя выше Других и пренебрегает их чувством достоинства или даже жизнью, кто вообще во главу угла ставит исключительно личное благо — любой ценой. Эта отчетливо выраженная неприязнь по принципу контраста делает особенно явственным общественный идеал писателя.

Трилогия К. Симонова интересна и дорога нам, если иметь в виду ее общественную направленность, широким, неприкрашенно-правдивым изображением событий Великой Отечественной войны — и в ее трудном начале, и в такой ее героической кульминации, как

Сталинградская битва, и в боях за полное освобождение нашей территории. Она дорога нам и тем, что несет в себе Уроки, представляющие непреходящую ценность, относящиеся в равной степени как к прошлому, так и к настоящему и будущему. Писатель вскрывает глубинные истоки нашей победы в годы войны, но ведь такие фундаментальные особенности советского образа жизни, как коллективизм, как личная инициатива, направленная на общее дело, в значительной мере определяют и будут определять наше движение как государства трудящихся.

Широкая популярность трилогии К. Симонова объясняется также и теми особенностями ее эстетики, которые лежат в русле кардинальных принципов народного восприятия искусства.

Согласно нашей народной эстетике, художественное произведение видится не столько средством отдыха и развлечения, сколько учебником жизни, и потому читатель стремится найти в нем значительные события, яркие страсти, крупные характеры. Следует отметить, что подобное стремление прямо отвечает самой сути искусства, призванного концентрировать общеинтересный человеческий опыт, способный этически обогатить каждого, соприкоснувшегося с ним.

Иначе говоря, *крупномасштабность* характеров и обстоятельств — вот фундамент народной поэтики, которая идет еще от фольклора (Илья Муромец не ювелирными штрихами писан!) и которая совпадает с опытом прославленных классических произведений. Дон Кихот, персонажи Шекспира, Гаргантюа и Пантагрюэль, Тиль Уленшпигель, герои книг Льва Толстого, Максима Горького, Михаила Шолохова, повсеместно чрезвычайно ценимого у нас Вячеслава Шишкова — разве они не созданы в соответствии с принципом крупномасштабности, выраженным с высочайшим эстетическим совершенством?

Сила изображаемых страстей, величие событий приводят к тому, что в круг наиболее читаемых произведений включаются, с одной стороны, мемуары полководцев, с другой — такие повести, как «А зори здесь тихие...» Б. Васильева, «Матерь человеческая» В. Закруткина. И если, возвращаясь к романам К. Симонова о войне, представлять себе бытование книг в контексте большой общенародной жизни, то историко-литературный опыт показывает, что интерес к ним начинается именно с масштабности — масштабности проблематики и характеров. Безусловно, значительность романов «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето» определяется в значительной мере тем, что писателю удалось создать столь крупный образ, как Федор Федорович Серпилин. Судьба этого персонажа сопрягается с крупнейшими узловыми, героическими и драматическими событиями и всей истории Советской страны, и истории Великой Отечественной. Его мышление и чувства, его

нравственные качества достойны большого человека — под стать тому времени, тому народу и той партии, которые он представляет. Его плечи способны взять на себя нагрузку, которая ложится в эпических произведениях на центральный персонаж, а в жизни — на командующего, от решений которого зависят судьбы тысяч людей и стратегических операций.

Генерал-полковник Серпилин погиб 3 июля 1944 года у пересечения шоссе Могилёв — Минск от осколка немецкого снаряда примерно в том месте, где три года назад начал войну в звании комбрига. Три года его жизни, что прошли перед читателем, вместили в себя столь много, что иной жизни не хватило бы для событий и переживаний, выпавших на его долю.

Мы встречаемся с ним, когда в обстановке неразберихи он организует стойкий отпор врагу, а затем возглавляет прорыв остатков дивизии из окружения. После парада 7 ноября 1941 года на Красной площади Серпилин, командир дивизии, сразу вступает в бой. Он участвует в разгроме фашистских войск под Москвой. Воюет под Сталинградом, командуя дивизией, а затем — в должности начальника штаба армии (причем с командующим, который не любил, чтобы «кто-нибудь бывал виден из-под него»). Последнее лето свое Серпилин встречает, командуя армией на Западном фронте, освобождающей Белоруссию. И в эти же годы: смерть жены, смерть сына на фронте; выступление в защиту несправедливо устраненных от дел полководцев; бесчисленные встречи с разными людьми, поздняя любовь, расставание... И всегда, при всех обстоятельствах, абсолютная справедливость, честность, благородство — таким остается в нашей памяти Серпилин. Вот Серпилин посетил в госпитале Синцова. Синцов смотрит на него:

«По госпитальному коридору шел один из тех людей, про которых очень редко думают, что там у них самих: жена умерла, или сын погиб, или еще что-нибудь, — один из тех, о ком чаще всего думают только в прямой связи с делом, которое взвалила война на их широкие плечи — армию или фронт, и, оценивая их действия, говорят, как про лошадь, — потянет или не потянет?»

Но за этой кажущейся грубостью слов стоит неотступная мысль о десятках и сотнях тысяч человеческих жизней, ответственность за которые война положила на плечи именно этого, а не какого-то другого человека... И Синцов думал не о том личном, что он понаслышке знал о жизни Серпилина, а о том, что... на самом деле было самым важным в этом удалявшемся по коридору человеке: хорошо, когда такой человек приходит командовать армией, потому что такой человек потянет, и хорошо потянет...»

Жизнь Серпилина никогда не была легкой, а подчас она была столь драматичной, что требовались незаурядные душевные силы, чтобы вынести все, не дрогнуть, не сломаться перед клеветой,

выдержать яростный натиск превосходящих сил врага. Выдержать, выстоять и победить!

Следует обратить внимание на то, что Серпилин, подобно мощному генератору нравственной энергии, заряжает своей духовностью, своей моральной силой тех, кто его окружает, кто с ним общается.

Образ Ивана Синцова играет в архитектонике (построении) трилогии особую роль. Прежде всего, именно его судьба определяет в основном сюжет произведения, накладывающийся на кануне Большой Истории. Но помимо этого он имеет еще одно важнейшее, я сказал бы — *этическое* предназначение. Дело в том, что Синцов является в романе духовным восприимчивым идей и нравственных качеств Серпилина. Будучи и сам щепетильно честным, преданным воинскому и гражданскому долгу, он, общаясь с Серпилиным, получает от того столь могучие импульсы именно этих человеческих качеств, что мужает стремительно, и никем другим, кроме как Человеком, он уже не будет, в какие бы ситуации ни попал. Это один из главных итогов произведения, где от старшего из двух центральных персонажей переходит эстафета чести к младшему, и таким образом возникает во времени указатель направления и силы той общественной эволюции, которая должна явиться следствием всех изображенных в трилогии исторических катаклизмов и испытаний, выпавших на долю ее персонажей.

Прошел свой жизненный путь Серпилин и погиб: такой дорогой ценой оплачена победа, говорит автор, — гибелью лучших. Прошел многое, что предначертано ему, Синцов, но еще далеко не все. Еще предстоит ему решить многие драматические жизненные задачи и закалиться в них настолько, чтоб сделаться Человеком под стать Серпилину. И в этом отношении трилогия остается открытой, она лишь определяет направление движению центрального героя и придает громадную нравственную инерцию этому движению.

«Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето» Константина Симонова — значительнейшее явление послевоенной советской литературы, которое синтезирует и развивает дальше то, чего добились в разработке темы войны талантливые советские писатели, и вносит весомый вклад в наши представления о людях, о воинской доблести, о литературе.